

ПАМЯТИ
Д. И. КАЧЕНОВСКАГО

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ 22 НОЯБРЯ 1903 Г.

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

В. А. ЯСТРЕМЬСКАГО
МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО
А. Н. ФАТѢВА
Н. Ф. СУМЦОВА
Л. Л. ГИРШМАНА
А. П. ШИМКОВА

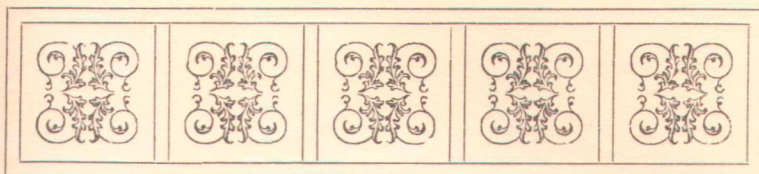
1) Д. И. Каченовскій.

2) Характеристики и Воспоминанія

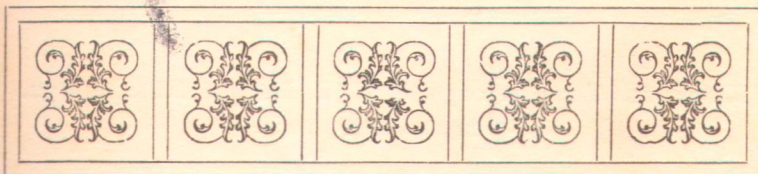
- 3) В. А. Ястржембскаго
- Максима Ковалевскаго
- А. Н. Фатѣева
- Н. Ф. Сумцова
- Л. Л. Гиршмана
- А. П. Шимкова

ПАМЯТИ
ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА
КАЧЕНОВСКАГО.

5) Торжественное заседание
Юридического Общества
при Императорскомъ
Харьковскомъ Университетѣ
✧ 22-го ноября 1903 года. ✧

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА К.Д.У.
Інв. № 112842

1925
1961x

По постановленію Совѣта Юридическаго Общества при Императорскомъ
Харьковскомъ Университетѣ печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается.

Предсѣдатель *Ник. Гредескулъ.*

Харьковъ. Типо-Литографія Н. В. Петрова. Рыбная 32.
Февраль 1905 года.

J. Karimov

астоящій сборникъ, посвящаемый Харьковскимъ Юридическимъ Обществомъ незабвенной памяти профессора Дмитрія Ивановича Каченовскаго, составленъ изъ рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ засѣданіи Общества, происходившемъ 22 ноября 1903 года.

Мысль о чествованіи памяти покойнаго Д. И. Каченовскаго, какъ устройствомъ особаго торжественнаго засѣданія, такъ и изданіемъ посвященнаго его памяти сборника, возникла въ средѣ Харьковскаго Юридическаго Общества въ связи съ исполнившимся 30 декабря 1902 г. *тридцатилѣтіемъ* со дня его безвременной кончины. Какъ извѣстно, Дмитрій Ивановичъ Каченовскій, родившійся 8 декабря 1827 года, умеръ, отъ злѣйшей чахотки, 30 декабря 1872 года, т. е. всего 45 лѣтъ отъ роду.—Официально инициатива этого чествованія нашла свое выраженіе въ представленіи, сдѣланномъ отъ имени Совѣта Юридиче-

скаго Общества председателемъ его общему собранію его членовъ въ засѣданіи 19 октября 1902 года. Въ представленіи этомъ, между прочимъ, было сказано: „Имя Каченовскаго есть одно изъ лучшихъ именъ Харьковскаго университета вообще и юридическаго его факультета въ частности. По всей справедливости имъ можетъ гордиться нашъ университетъ и нашъ факультетъ. Покойный Д. И. Каченовскій былъ не только выдающимся ученымъ, но и замѣчательнымъ профессоромъ и человѣкомъ. Его дѣятельность оставила глубокій слѣдъ въ жизни Харьковскаго университета и его питомцевъ. Память о такихъ людяхъ, какъ Каченовскій, должна быть священна въ той средѣ, гдѣ они жили и дѣйствовали. Хотя Харьковское Юридическое Общество еще очень юно, но оно не можетъ не признавать своей духовной связи съ прошлымъ того учрежденія, при которомъ оно состоитъ. Оно не можетъ не признавать лучшихъ именъ и лучшихъ традицій своего университета, а имя Каченовскаго—это какъ-бы знамя, водруженное и развѣвающееся надъ Харьковскимъ университетомъ въ числѣ другихъ такихъ-же почетныхъ именъ. Но это имя--имя юриста, намъ оно еще ближе, чѣмъ другимъ, поэтому именно на насъ ложится обязанность благоговѣнно чтить это имя въ своей средѣ и съ гордостью напоминать о немъ другимъ“.

Общее собраніе членовъ Юридическаго Общества единогласно и съ большимъ сочувствіемъ приняло предложеніе Совѣта и рѣшило посвятить чествованію памяти Д. И. Каченовскаго особое торжественное засѣданіе.

Для того, чтобы достойно обставить это засѣданіе, Совѣтъ Общества обратился къ ученикамъ покойнаго Д. И. Каченовскаго и къ лицамъ, близко его знавшимъ и состоявшимъ съ нимъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ просьбой принять участіе въ чествованіи памяти покойнаго. На этотъ призывъ особенно горячо откликнулись: ближайшій ученикъ и непосредственный преемникъ Д. И. Каченовскаго по кафедрѣ международнаго права, почетный членъ нашего общества, проф. А. Н. Стояновъ, и другой близкій ученикъ Д. И. Каченовскаго, также почетный членъ Харьковскаго Юрическаго Общества, знаменитый ученый, проф. М. М. Ковалевскій. Въ письмѣ на имя предсѣдателя общества проф. А. Н. Стояновъ, между прочимъ, писалъ: „Не могу не выразить моей симпатіи къ вашей мысли о посмертномъ чествованіи памяти покойнаго проф. Д. И. Каченовскаго“. Къ сожаленію, преклонный возрастъ и состояніе здоровья проф. А. Н. Стоянова не позволили ему принять личнаго участія въ нашемъ торжественномъ засѣданіи, посвященномъ чествованію памяти его учителя. Что касается проф. М. М. Ковалевскаго,

то, живя постоянно за границей, онъ не могъ прїѣхать ко дню чествованія въ Харьковъ, но за то прислалъ Обществу цѣнный вкладъ для этого чествованія въ видѣ спеціально къ этому случаю написанной „Характеристики Д. И. Каченовскаго въ связи съ личными о немъ воспоминаніями“, каковая и была цѣликомъ прочитана въ засѣданіи 22 ноября 1903 года.

Изъ личныхъ друзей покойнаго Д. И. Каченовскаго выразили желаніе принять участіе въ торжественномъ засѣданіи изложеніемъ своихъ воспоминаній о немъ проф. Л. Л. Гиршманъ и проф. А. П. Шимковъ. Кромѣ этихъ лицъ, знавшихъ Д. И. Каченовскаго лично, въ торжественномъ засѣданіи приняли участіе: проф. Н. Ф. Сумцовъ, коснувшійся художественныхъ интересовъ покойнаго Д. И. Каченовскаго, занимавшихъ у него, какъ извѣстно, непосредственно второе мѣсто послѣ интересовъ научныхъ; проф. В. А. Ястржембскій, нынѣшній представитель кафедры покойнаго Д. И. Каченовскаго въ Харьковскомъ университетѣ, и проф. А. Н. Фатѣевъ.

Такимъ образомъ, программа торжественнаго засѣданія Харьковскаго Юридическаго Общества 22 ноября 1903 года составила изъ слѣдующихъ рѣчей: В. А. Ястржембскій — *Д. И. Каченовскій, какъ ученый и преподаватель*, Максимъ Ковалевскій — *Характеристика Д. И. Каченовскаго въ связи съ личными о немъ воспоминаніями*, А. Н.

Фатѣевъ—*Идея личности въ политико-философскихъ сочиненіяхъ Д. И. Каченовскаго*, Н. Ф. Сумцовъ—*Художественные интересы Д. И. Каченовскаго*, Л. Л. Гиршманъ—*Вліянія Д. И. Каченовскаго на современниковъ* и А. П. Шимковъ—*Воспоминанія о Д. И. Каченовскомъ*.

Какъ видно изъ этой программы, участниками чествованія памяти Д. И. Каченовскаго, кромѣ европейски-знаменитаго русскаго ученаго М. М. Ковалевскаго, оказались представители всѣхъ четырехъ факультетовъ Харьковскаго университета (В. А. Ястржембскій и А. Н. Фатѣевъ—юристы, Н. Ф. Сумцовъ—историко-филологъ, Л. Л. Гиршманъ—медикъ и А. П. Шимковъ—физико-математикъ). Какъ замѣтилъ по этому поводу, въ своей вступительной рѣчи къ торжественному засѣданію 22-го ноября 1903 года, предсѣдатель Юридическаго Общества, — такой составъ участниковъ чествованія какъ-бы и внѣшнимъ образомъ подчеркивалъ то огромное значеніе, какое личность проф. Д. И. Каченовскаго имѣла въ жизни Харьковскаго университета: это значеніе простиралось далеко за предѣлы юридическаго факультета и сдѣлало память о Д. И. Каченовскомъ дорогой для всего нашего университета.

Что касается самаго засѣданія, то оно, по общему признанію, оказалось именно тѣмъ, чѣмъ ему и слѣдовало быть: настоящимъ академиче-

скимъ торжествомъ, сопровождавшимся высокимъ подъемомъ настроенія, созданнаго у присутствующихъ ярко и съ любовью обрисованной ораторами фигурой богато одаренной, полной неукротимой энергіи и глубоко симпатичной натуры русскаго профессора, поставленнаго, къ сожалѣнію, въ такую обстановку, которая не дала ему возможности развернуть въ полномъ блескѣ свои выдающіяся дарованія, а можетъ быть, тормозя его силы и стремленія, даже способствовала его безвременному концу. Въ рамкѣ довольно убогой общественной жизни украинской „Саламанки“ (какъ называлъ самъ Каченовскій Харьковъ съ его университетомъ) передъ слушателями въ рѣчахъ ораторовъ возстала крупная интеллектуальная и нравственная сила, которая покинула свое жизненное поприще, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ у насъ, на Руси, страдальческой тѣнью... И слушатели (среди которыхъ было не мало учениковъ покойнаго Каченовскаго) съ глубокимъ волненіемъ переживали въ этотъ вечеръ цѣлую скалу чувствъ, вызванныхъ у нихъ образомъ „профессора“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Острота печали, возбуждаемой этимъ страдальческимъ образомъ, невольно сглаживалась дальностью времени, отдѣляющаго насъ отъ почившаго, но за то тѣмъ сильнѣе выступало на первый планъ высокое воодушевленіе дѣятельностью того, кого

можно назвать однимъ изъ истинныхъ созидателей здѣсь у насъ, въ Харьковѣ, той нравственной величины, которая именуется „университетомъ“. Увы, — современное состояніе русскихъ университетовъ, къ сожалѣнію, понизило, а, отчасти, даже уничтожило у студентовъ сознаніе и непосредственное ощущеніе цѣнности этой нравственной величины, но за то тѣмъ неожиданнѣе и пріятнѣе было, въ нашемъ старомъ актовомъ залѣ, передъ портретомъ дорогаго почившаго учителя, слушая рѣчи старыхъ и молодыхъ его почитателей, ощутить вновь и съ непосредственной силой нравственную атмосферу „храма науки“, — настоящаго, какимъ онъ долженъ быть, какимъ онъ способенъ захватывать душу своихъ питомцевъ и дѣлаться въ ней источникомъ лучшихъ побужденій до гробовой доски. Въ теченіе 3—4 часовъ, пока длилось это засѣданіе, мы всѣ, тамъ присутствовавшіе, ярко переживали нравственное обаяніе настоящаго „университета“, а послѣ засѣданія мы разошлись, чувствуя себя обновленными и нравственно подкрѣпленными духовнымъ соприкосновеніемъ съ этимъ университетомъ одновременно идеальнымъ и въ то-же время получившимъ такое живое реальное воплощеніе... Всѣ участники этого академическаго событія: и этотъ завладѣвшій всѣми присутствовавшими въ залѣ образъ почившаго „профессора“ нашего университета, и эта

рѣчь знаменитаго русскаго ученаго, откликнувшись къ намъ издалека, чтобы почтить въ родномъ университетѣ память „своего дорогаго учителя“ *), и эти убѣленные сѣдинами друзья покойнаго, которые, видимо, помолодѣли, предаваясь воспоминаніямъ о лучшей порѣ нашего университета и объ одномъ изъ лучшихъ его представителей, и, наконецъ, эти молодые представители теперешняго нашего юридическаго факультета, никогда не знавшіе лично Д. И. Каченовскаго, но загорѣвшіеся огнемъ благодарнаго энтузіазма передъ его нравственной и ученой личностью,—все это слилось въ одну стройную гармонію настоящаго академическаго торжества, которая долго, среди будничныхъ впечатлѣній послѣдующей сѣрой жизни, будетъ звучать праздничнымъ аккордомъ въ душахъ тѣхъ, которые жаждутъ заполнить идеальнымъ содержаніемъ старое, но прекрасное названіе университета—*alma mater*... Торжеству, какъ оно происходило, для его нравственной полноты, къ сожалѣнію, недоставало только личнаго присутствія ученика Д. И. Каченовскаго и учителя почти всѣхъ присутствовавшихъ юристовъ—высокоуважаемаго и всѣми любимаго А. Н. Стоянова. И собраніе почувствовало этотъ недостатокъ, и, по предложенію предсѣдателя Общества, единодушно постановило: вы-

*) Выраженіе М. М. Ковалевскаго въ частномъ письмѣ на имя предсѣдателя общества.

разить свое крайнее сожалѣніе по поводу того, что болѣзнь помѣшала Андрею Николаевичу явиться на наше торжество, поручивъ председателю довести объ этомъ постановленіи до свѣдѣнія А. Н. Стоянова.

Къ настоящему сборнику приложены: 1) портретъ Д. И. Каченовскаго, предоставленный намъ для этой цѣли проф. А. Н. Стояновымъ; по отзыву проф. А. Н. Стоянова онъ очень похожъ; 2) портретъ матери Д. И. Каченовскаго, полученный нами отъ проф. А. П. Шимкова. Какъ извѣстно, покойный Д. И. Каченовскій, не будучи женатымъ, всегда жилъ со своею матерью, которую обожалъ и на рукахъ которой умеръ; 3) fac-simile рукописи Каченовскаго, представляющее собою страничку изъ его частнаго письма, писаннаго изъ-за границы и представленнаго въ распоряженіе общества П. Г. Риттеромъ.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ изданія. Воздавая дань художественнымъ вкусамъ покойнаго Д. И. Каченовскаго, мы хотѣли и этотъ сборникъ, посвященный его памяти, сдѣлать возможно болѣе изящнымъ. Типографія Н. В. Петрова, въ которой

печатаются наши изданія, съ полной готовностью пошла на встрѣчу нашему желанію. Съ этою цѣлью ею былъ выписанъ, спеціально для нашего сборника и по нашему выбору, новый шрифтъ, а также спеціально для насъ заказана бумага, на которой онъ напечатанъ. Наконецъ, и съ чисто типографской стороны (рисунокъ обложки, расположение шрифтовъ, заголовки и пр.) типографія стремилась къ возможному изяществу.

Портреты и fac-simile исполнены и отпечатаны въ художественномъ заведеніи Bruckmann'a въ Мюнхенѣ.

Въ размышленіи оной жизни въ утробѣ отъ
матушки. Живитъ она идеальнымъ образомъ, сообщая
себѣ каменитвѣхъ сфинксовъ, но не безъ
мудрости. И часто видѣла въ черепѣ въ
гладкѣхъ кривизнахъ, что даются оныя мѣста
мелководьямъ, оныя, мѣстами, поныне оныя.
Позно пишутъ мѣста, давая оныя
задумчиво, что и къ ней неравнодушно.
Пытливѣ въ вѣстникъ оныя мысли, оныя
за то, что поворотили дѣла въ разбѣ, какъ
добрую и въ вѣстникъ оныя оныя вѣстникъ,
какъ вѣстникъ, вѣстникъ. The age cannot
rather its beauty and the custom cannot
stale its activity.

Въ разбѣ, вѣстникъ оныя мысли, оныя
за то, что поворотили дѣла въ разбѣ, какъ
добрую и въ вѣстникъ оныя оныя вѣстникъ,
какъ вѣстникъ, вѣстникъ.

Вѣстникъ оныя мысли, оныя
за то, что поворотили дѣла въ разбѣ, какъ
добрую и въ вѣстникъ оныя оныя вѣстникъ,
какъ вѣстникъ, вѣстникъ.

D. Karlov

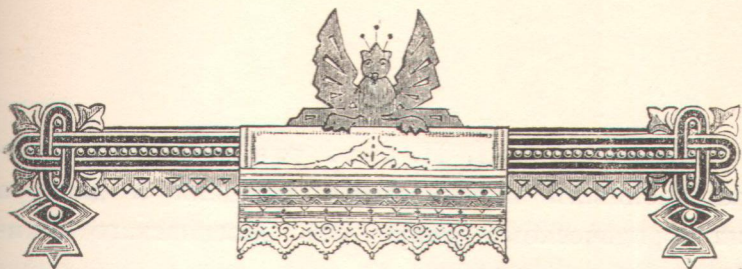

В. А. Петровский.

I.

Д. И. Каченовскій,
КАКЪ УЧЕНЫЙ ♣ ♣ ♣
И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ. ♣

 митрій Ивановичъ Каченовскій окончилъ Харьковскій Университетъ 19 лѣтнимъ юношей. Въ 1849 году защитилъ магистерскую диссертацию и 22 лѣтъ отъ роду вступилъ, по порученію факультета, на профессорскую кафедру.

Тяжелы и неприглядны по отзыву современниковъ были въ это время условія научной дѣятельности. Но «чѣмъ суровѣе складывались внѣшнія обстоятельства, говоритъ въ своихъ прекрасныхъ воспоминаніяхъ о Каченовскомъ, его слушатель и близкій другъ А. Н. Стояновъ, чѣмъ безсодержательнѣе и печальнѣе была вся окружающая среда, тѣмъ сильнѣе и цѣльнѣе погружался Каченовскій въ богатый свой внутренній міръ».

«Ежедневно шли прекрасныя, оживленныя и серьезныя лекціи, готовилась докторская диссертация, собирався и обдумывался матеріалъ для многочисленныхъ статей и этюдовъ, которые весьма скоро послѣдовали одинъ за другимъ какъ только наступили свѣтлые годы царствованія Императора Александра II».

«Въ 1855 г. Д. И. былъ уже докторомъ государственныхъ наукъ, послѣ экзамена и диспута на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета». (Стояновъ).

Съ этого времени начинается пышный разцвѣтъ научной и публицистической дѣятельности Каченовскаго. Онъ печатаетъ свои научные труды, сотрудничаетъ въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ, выступаетъ съ докладами въ Лондонскомъ юридическомъ обществѣ, поддерживаетъ письменныя и личныя сношенія съ выдающимися учеными и общественными дѣятелями Западной Европы, наблюдаетъ и изучаетъ наиболѣе интересныя проявленія политической жизни различныхъ иностранныхъ государствъ во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ... И всѣ свои впечатлѣнія, всѣ свои знанія, все богатство своего свѣтлаго ума и чистой души онъ несетъ въ даръ своему родному Университету, гдѣ съ 1859 года онъ читаетъ кромѣ международнаго еще и государственное право европейскихъ державъ только что возстановленное для преподаванія въ русскихъ университетахъ.

21-го декабря 1872 года, 45 лѣтъ отъ роду, Каченовскій скончался отъ чахотки, которая подрывала его силы и омрачала жизнь за долго до ранняго конца. Болѣе 30 лѣтъ прошло со дня его кончины и болѣе полувѣка съ начала его научной дѣятельности... Работы его отчасти устарѣли, сдѣ-

лались библиографической рѣдкостью, затерялись въ старыхъ журналахъ и только специалисты знакомятся съ ними и дивятся силѣ ума и чистотѣ души полузабытаго ученаго... Что же собрало насъ здѣсь для его торжественнаго чествованія? Не является-ли оно однимъ изъ тѣхъ юбилеевъ, гдѣ не только присутствующіе, но часто и сами устроители торжества формально отбываютъ скучную повинность, не зная и не вѣря въ заслуги и достоинство юбиляра?

Къ Каченовскому—это не примѣнимо. Если даже разсматривать его научную дѣятельность съ современной точки зрѣнія, то и тогда мы должны будемъ признать ее серьезной и выдающейся. Еще болѣе мы увѣримся въ этомъ, если вспомнимъ, что Каченовскій писалъ и училъ въ то время, когда въ Россіи было только два, три жалкихъ, тощихъ, неправильно переведенныхъ иностранныхъ учебника по международному праву, когда даже число мало-мальски цѣнныхъ монографій по этому предмету не достигало десяти, когда самое значеніе и необходимость преподаванія науки подвергались серьезнымъ сомнѣніямъ, и разрѣшеніе преподаванія Государственного права европейскихъ державъ вызвало (по словамъ современника) душевное счастье и чистую, безграничную признательность. (Стойновъ 31).

Трудно подымать новъ! Много пропадаетъ силъ для перваго пахаря и только послѣдующія поколѣнія соберутъ съ нея богатую жатву. Еще труднѣе впервые разрабатывать научную почву, да еще и

при неблагоприятной обстановкѣ, почти безъ дружеской поддержки, безъ подготовки общества для воспріятія политическихъ наукъ, пользу и необходимость преподаваній которыхъ въ Россіи приходилось доказывать, потому что, странно сказать, и та и другая открыто подвергались сомнѣнію въ русскихъ журналахъ (напр. Ю. Жуковскимъ и Аксаковымъ).

Такъ что уже самая научная дѣятельность Каченовскаго для его времени была гражданскимъ подвигомъ, своего рода піонерствомъ, облегчившимъ и расчистившимъ путь для дѣятельности его послѣдователей въ Россіи.

Каченовскій умеръ, но не умерли его идеи, они жили въ многочисленныхъ поколѣніяхъ его слушателей, они жили въ его выдающихся сочиненіяхъ и широкою свѣтлою волною разливались по отдаленнымъ уголкамъ Россіи, они живутъ и теперь въ стѣнахъ нашего Университета, въ насъ самихъ, составляя часть того умственного и нравственного капитала, который накапливается вѣками и передается какъ драгоцѣнное наслѣдіе отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Вотъ почему мы чествуемъ Каченовскаго, вотъ почему мы собрались для этого въ Университетѣ, этомъ хранилищѣ, куда покойный щедрою рукою вносилъ свои умственные и нравственные богатства.

Я не рискую утомлять ваше вниманіе подробнымъ изложеніемъ и разборомъ многочисленныхъ

работъ Каченовскаго и ограничились только указаніемъ на самыя выдающіяся изъ нихъ.

Прежде всего надо упомянуть его докторскую диссертацию «о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи нейтральной торговли» 1855 г.

Вопросы морского международного права издавна разрабатывались выдающимися русскими учеными. Лешковъ, Спасовичъ, Кн. Канткаузенъ, Гр. Сперанскій, Мартенсъ, Гр. Камаровскій, Давневскій и другіе посвятили имъ отдѣльныя изслѣдованія. Но работа Каченовскаго является одной изъ самыхъ выдающихся даже и въ настоящее время. Художественное, сжатое образное изложеніе исторіи каперства и призоваго судопроизводства, мѣткій и исчерпывающій разборъ научныхъ теорій по этимъ вопросамъ, детальное знакомство по первоисточникамъ съ рѣшеніями призовыхъ судовъ Англіи, Франціи и соединенныхъ Штатовъ—таковы отличительныя черты этой работы.

Наиболѣе цѣннымъ и важнымъ между прочимъ является блестящее доказательство необходимости отмѣны каперства съ исторической, экономической, военно-политической и научной точки зрѣнія. Рѣдкую и высшую награду получилъ за этотъ трудъ нашъ ученый. Годъ спустя послѣ появленія его работы каперство отмѣнено на Парижскомъ конгрессѣ.

Книга эта переведена на англійскій языкъ и нашла достойную оцѣнку со стороны выдающихся англійскихъ ученыхъ.

Отмѣтимъ еще одинъ успѣхъ, рѣдко выпадающій на долю ученаго.

Въ 1862 г. въ своемъ докладѣ (въ Лондонскомъ юридическомъ обществѣ) Каченовскій указывалъ на необходимость соединиться ученымъ различныхъ странъ для совмѣстной разработки и кодификаціи международного права, чтобы такимъ путемъ способствовать распространенію и примѣненію въ международной жизни идеи права и справедливости.

«Мысль эта въ Лондонѣ не привилась, но когда идея безусловно хороша, говоритъ Леръ (*tableau général—de l'inst. de dr. int. 1873—1893 p., 2*), она пойдетъ своимъ путемъ и въ концѣ концовъ осуществится вопреки препятствіямъ».

Это оправдалось по отношенію къ идеѣ Каченовскаго. «Съ 1867 г. по 1871 г. эта мысль, какъ выражается Леръ, возникла почти одновременно въ Берлинѣ, Нью-Йоркѣ, Женевѣ, Гентѣ и Харьковѣ». Къ сожалѣнію Каченовскому не удалось дожить до 1873 г. времени появленія на свѣтъ своего лучшаго дѣтища института международного права.

Не удалось Каченовскому окончить и свой Курсъ Международнаго права. Насколько можно судить о немъ по первымъ двумъ выпускамъ, курсъ этотъ составилъ бы крупный вкладъ въ литературу предмета, не только русскую, гдѣ до сихъ поръ не было ни одного общаго изслѣдованія, но даже и въ иностранную, столь богатую и монографіями и общими курсами. Отличительная черта

этой, какъ и всѣхъ работъ Каченовскаго, боязнъ схоластической цеховой учености, стремленіе сдѣлать науку доступной и такимъ образомъ способствовать ея распространенію въ широкихъ кругахъ образованнаго общества, а не среди небольшой кучки ученыхъ ¹⁾).

Это вытекаетъ изъ его коренного убѣжденія, что науки политическія, только тогда соотвѣтствуютъ своему назначенію, когда онѣ отправляются отъ явленій дѣйствительной жизни, перерабатываютъ этотъ богатый и вѣчно измѣнчивый матеріаль, руководствуясь разумомъ и справедливостью и вносятъ добытые результаты въ жизненный круговоротъ для руководства и провѣрки ихъ опытомъ.

Уже поэтому можно заключить о склонности Каченовскаго къ позитивному методу и хотя онъ самъ называетъ себя идеалистомъ ²⁾ и при бѣгломъ обзорѣ его работъ, дѣйствительно, можетъ показаться таковымъ, но отнести его къ идеальной школѣ, едвали будетъ умѣстно.

Впрочемъ, если идеалистомъ называть человѣка, который убѣжденъ, что свобода, чувство справедливости и любовь къ людямъ должны быть основнымъ началомъ и верховнымъ судьей въ жизни и дѣятельности отдѣльныхъ людей и всего человѣчества, то Каченовскій, несомнѣнно, идеалистъ.

¹⁾ Каченовскій. XXIII.

²⁾ О современномъ состояніи политической науки, 56.

Но мы должны будемъ признать его позитивистомъ, если обратимъ вниманіе на то, что онъ считаетъ необходимымъ строить науку международнаго права на основаніи положительнаго матеріала ¹⁾, называетъ юриспруденцію наукой практической ²⁾ и указываетъ вліяніе экономическихъ интересовъ на международную жизнь.

Признавая важность и значеніе для науки идеализма, Каченовскій, однако, рѣзко возстаетъ противъ несбыточныхъ безплодныхъ утопій. Допустимъ, говоритъ онъ далѣе, что *ria desideria* политическихъ идеалистовъ безплодны. Во всякомъ случаѣ онѣ не такъ вредны какъ то положительное направленіе, которое, вмѣсто порицанія человѣческихъ несправедливостей и глупостей, приводитъ ихъ въ систему, дѣлаетъ достояніемъ науки и выдаетъ за философію» ³⁾.

Съ горечью осмѣиваетъ Каченовскій и мнѣніе тѣхъ, какъ онъ выражается, пессимистовъ, которые полагаютъ что, игра страстей эгоизма и корысти сама по себѣ должна привести людей къ порядку. Наблюдая ее на практикѣ, напримѣръ въ Азіи или между полудикими племенами, говоритъ Каченовскій, мы, однако же, не видимъ никакого выхода изъ нея въ теченіе вѣковъ. Подъ вліяніемъ эгоизма и корысти люди научаются только истреблять другъ друга! Если эта работа нравится нѣкоторымъ му-

¹⁾ Ib. (41, 51).

²⁾ Ib. (34, 71).

³⁾ К. Льюиз. О с. с. П. Н. 39.

дрецамъ, то они должны знать чѣмъ она кончается. Истребленіе прекращается тогда, когда нечего больше истреблять»... Можно сказать, Каченовскій возстаетъ противъ крайностей идеализма и позитивизма и сливается въ своихъ изслѣдованіяхъ оба метода въ одно гармоническое цѣлое.

Перейдемъ къ бѣглому обзору основныхъ началъ международного права по ученію Каченовскаго.

Международное право, по его мнѣнію, есть самое свободное изъ существующихъ правъ ¹⁾. Нѣтъ борьбы болѣе грандіозной, гдѣ бы свобода имѣла такой широкій просторъ, какъ борьба государствъ, нѣтъ побѣды болѣе славной для человѣчества, какъ побѣда международного права надъ злою волею тирановъ и завоевателей ²⁾.

Международное право покоится на правосознаніи народовъ и вытекаетъ изъ солидарности интересовъ и потребностей общежитія ³⁾. Высшая его цѣль содѣйствовать огражденію порядка и свободы на землѣ, безопасности общества и пользѣ человѣчества ⁴⁾.

Пока оно охватываетъ кругъ цивилизованныхъ народовъ, но со временемъ оно обниметъ все чело-
вѣчество. Субъектами международного права явля-

¹⁾ Курсъ etc. 23.

²⁾ Ib. 120.

³⁾ Ib. 63.

⁴⁾ Ib. 95.

ются самостоятельныя и независимыя государства съ правомъ законодательства и суда въ международной жизни. Но государства не всесильны въ этой области. Они не владѣютъ надъ законами природы и исторіи. Судебныя мѣры, направленныя противъ этихъ силъ, чрезвычайно опасны...

Отсутствіе законодательства и суда въ международной жизни Каченовскій не считаетъ основаніемъ для отрицанія международнаго права.

«Кто за текстомъ кодекса не видитъ жизни, тотъ можетъ причислить себя къ разряду цеховыхъ законниковъ, общественное значеніе которыхъ цѣнится невысоко, говоритъ Каченовскій, и блестящимъ и выпуклымъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ основаній и явленій международной жизни, сравненіемъ ихъ съ жизнью внутри отдѣльныхъ государствъ доказываетъ, что международное право существуетъ и соблюдается почти также какъ и другія отрасли права.

Здѣсь, повидимому, наиболѣе сказывается соціологическое направленіе Каченовскаго и его пренебреженіе къ строго юридическому методу. Но это пренебреженіе—кажущееся, а не дѣйствительное.

При широкомъ взглядѣ на науку, которая принимаетъ и цѣнитъ самыя разнообразныя направленія, Каченовскій могъ лично отдавать предпочтеніе одному изъ нихъ. Онъ могъ пренебрегать узкими педантами, тѣми законниками, которые изъ за кодекса не видятъ жизни, но не юридическимъ методомъ, который, напротивъ, онъ ставилъ очень высоко, какъ

видно изъ его отзывовъ о европейскихъ ученыхъ. Наука международного права, говоритъ онъ, излагается у нихъ строго и сухо въ формѣ не привлекательной для русскаго читателя. Что дѣлать! Гдѣ юриспруденція развита, тамъ она похожа на математику и получаетъ вкусъ безъ приправы ¹⁾.

Научное направленіе Каченовскаго помимо склада его ума и научныхъ вкусовъ объясняется и постояннымъ его стремленіемъ, разрабатывая науку, служить ея распространенію въ русскомъ обществѣ. Кровавый призракъ безчисленныхъ людей, говоритъ онъ, погибшихъ за Севастополь, да побудить ²⁾ насъ обратить вниманіе на международныя дѣла «и кажется, что близко то время, когда наука международного права будетъ занимать мыслящихъ людей въ Россіи» ³⁾.

Русское общество его времени не было подготовлено къ строго научнымъ, юридическимъ изслѣдованіямъ. Вотъ почему Каченовскій предпочиталъ популярную форму изложенія. Но мы видѣли, что эта форма не мѣшала ему вкладывать въ свои работы чисто научное содержаніе и только цеховые законники и схоластики могутъ поставить ему въ упрекъ, что его научные выводы, большинство которыхъ и теперь не утратило правъ гражданства, не выражены въ краткихъ, сухихъ и темныхъ форму-

¹⁾ К. XVI.

²⁾ К. XVІІІ.

³⁾ К. XVІІ.

лахъ, не помѣщены подъ рубриками А. В. С., которыя въ свою очередь подраздѣляются на а. в. с. и т. д.

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ остановиться на исторіи международныхъ сношеній, доведенной до Вестфальскаго мира. Можно указать, что это блестящая и удачная попытка извлечь наиболѣе важный и юридическій матеріалъ изъ 18-томнаго сочиненія Лорана: *Histoire du droit des gens et des relations internationales*. Впрочемъ, авторъ не слѣдовалъ рабски Лорану и, хотя трудно было не подчиниться колоссальному матеріалу, увлекательному изложенію и глубинѣ взглядовъ бельгійскаго ученаго, но Каченовскій, пользуясь его матеріаломъ, сумѣлъ сохранить свою научную независимость и, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ, могъ даже исправить нѣкоторыя неточности и пополнить пробѣлы, допущенныя въ *Histoire du droit des gens* Лорана.

Если бы смерть не помѣшала Каченовскому окончить свой курсъ международнаго права и въ частности исторію международныхъ сношеній, то русская публика, а также и англійская, такъ какъ его курсъ переводился и на англійскій языкъ, познакомились бы съ мало доступнымъ уже по своему объему трудомъ Лорана въ блестящемъ и сжатомъ изложеніи Каченовскаго, который внесъ туда не только поправки, основанныя на полнѣйшихъ научныхъ данныхъ, но и широту взглядовъ и блескъ своей собственной эрудиціи.

Такимъ образомъ, и въ этой части своего курса Каченовскій остался вѣренъ себѣ. Я всегда думалъ, говоритъ онъ, что стремленіе закрывать науку отъ общества и дѣлать ее достояніемъ немногихъ избранныхъ есть смѣшное и вредное стремленіе. Напрасно закрывать ее мракомъ техническихъ фразъ и недоступной мудрости ¹⁾).

Наши Университеты не схоластическія корпорации, а живыя учрежденія. Они обязаны, сколько отъ нихъ зависитъ, заботиться о внѣшнемъ распространеніи полезныхъ знаній ²⁾). Они дѣйствуютъ на молодое поколѣніе, а черезъ него и на цѣлое общество. Труды и добрыя мысли здѣсь не пропадаютъ ³⁾).

Борьба противъ злоупотребленій здѣсь не ослабѣвала ни на минуту. Въ университетѣ всегда находились люди, которые держали достойно знамя науки и чести и трудились для пользы общей. Во имя этихъ энергичныхъ людей, во имя юношества, которое переносило здѣсь бѣдность и лишенія, во имя достойныхъ воспитанниковъ университета, которые часто подвизались на поприщѣ гражданскомъ, мнѣ, говоритъ Каченовскій, всегда былъ дорогъ нашъ храмъ.

Передавая студентамъ на лекціи впечатлѣнія заграничной поѣздки, Каченовскій говоритъ ⁴⁾).

¹⁾ К. XXIII.

²⁾ Ib. XXIII.

³⁾ Ib. XLVI.

⁴⁾ Ib. LIV.

«И мнѣ свѣтилъ этотъ родной университетъ изда-
лека, какъ маякъ. Я сознавалъ, что въ нынѣшнее
время нужно работать дома, а не странствовать по
чужимъ землямъ».

Далѣе онъ говоритъ: «Университетъ долженъ
жить и безъ насъ, и послѣ насъ. Какъ не пріятно
намъ считать себя разумными и благородными, но
университетъ разумнѣе и благороднѣе насъ. Въ немъ
есть такая притягательная и творческая сила, ко-
торою никто между нами не владѣтъ ¹⁾. Будемъ
хорошимъ убѣжищемъ пользоваться, которое пред-
ставляетъ университетъ для независимой мысли и
соединеннаго труда» ²⁾.

«Политическое образованіе имѣло и имѣетъ цѣну
въ моихъ глазахъ, какъ приготовленіе къ обще-
ственной дѣятельности,—тѣ народы, которые упо-
требляли его на пользу своего государственнаго быта,
я считаю передовыми».

Борьба съ невѣжествомъ и подготовка молодыхъ
неутомимыхъ борцовъ противъ него—вотъ знамя,
подъ которымъ работалъ Каченовскій.

«Коснѣя въ невѣжествѣ, говоритъ онъ, ³⁾ мы
достигали порядка силою и приказаніями съ одной
стороны, терпѣніемъ и повиновеніемъ—съ другой;
«власть, сила и успѣхъ были намъ дороже закона,
польза службы дороже пользы общественной ⁴⁾. Отче-

¹⁾ К. LXI.

²⁾ Ib. LXVI.

³⁾ П. Н. 2.

⁴⁾ П. Н. 128.

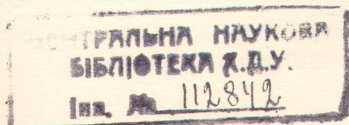
го скажите, спрашиваетъ онъ ¹⁾), происходятъ язвы Россіи, что кладетъ на жизнь нашу тяжелое ярмо и невыносимый гнетъ, останавливаетъ, путаетъ и обезкураживаетъ насъ на каждомъ шагу? Невѣжество! Съ нимъ нужно бороться всѣми силами, ему нужно объявить непримиримую войну и не давать пардона. Пусть каждый работаетъ по мѣрѣ силы. Начнемъ подкапывать зло съ разныхъ сторонъ, рыть глубже землю. У насъ нѣтъ орудій и машинъ. Привеземъ на первый разъ изъ за моря, а потомъ сдѣлаемъ свои. Наука на западѣ сильна. Пора пустить ее въ ходъ»...

Борьба съ невѣжествомъ и въ частности важность политическаго воспитанія, несомнѣнная сама по себѣ, особенно была необходима, по мнѣнію Каченовскаго, для современной Россіи, гдѣ помимо освобожденія крестьянъ, подготовлялся и осуществлялся цѣлый рядъ коренныхъ реформъ. Только что надѣленная свободой новая Россія не умѣла ею пользоваться, да и самая свобода, по мнѣнію Каченовскаго ²⁾), погибаетъ, когда не находитъ просвѣщенныхъ защитниковъ»...

Весь проникнутый интересами новой Россіи, ради служенія ей Каченовскій сокращалъ даже свое пребываніе за границей, гдѣ ему жилось легко и привольно среди памятниковъ искусствъ, развитой политической и общественной жизни, въ общеніи съ выдающимися умами Европы. Его высоко цѣнили

¹⁾ П. Н. 138, 139.

²⁾ Ак. 12.

тамъ. Быть можетъ выше, чѣмъ дома! Тамъ же, именно въ Англіи, онъ находилъ удовлетвореніе своимъ общественнымъ и научнымъ стремленіямъ, дѣлая доклады, вступая въ пренія или предсѣдательствуя въ Лондонскомъ обществѣ для развитія соціальныхъ наукъ. И эту жизнь, полную умственныхъ, художественныхъ и общественныхъ интересовъ, онъ мѣнялъ на сѣренькую жизнь провинціального города, гдѣ только четверть вѣка спустя послѣ его смерти по почину одного изъ его слушателей, Н. О. Куплевасскаго, возникло наше Юридическое общество, чествующее сегодня Каченовскаго, такъ завидовавшаго существованію Лондонскаго юридическаго общества и Англіи, гдѣ возможны, какъ онъ выражается, подобныя предпріятія, гдѣ дорасли до такой терпимости и публичности ¹⁾).

Что же заставляло Каченовскаго покидать полную для него серьезныхъ приманокъ Западную Европу и спѣшить въ свою Саламанку, какъ онъ называлъ Харьковскій Университетъ? Отвѣтъ ясенъ—любовь къ Россіи, къ Университету, къ студентамъ. Расширивъ свои научныя познанія путемъ бесѣды съ западно-европейскими учеными и работою въ библіотекахъ и архивахъ, запасшись основательнымъ знакомствомъ и изученіемъ наиболѣе интересныхъ сторонъ политической и общественной жизни различныхъ государствъ, возвращался Каченовскій въ свою родную аудиторію.

¹⁾ Ст. въ Русскомъ Словѣ, труды общества и т. д. Каченовскаго 27 сентября 1860 года. Харьковъ.

И весь обвѣянный этой почти чуждой для его слушателей напряженной атмосферой умственной, художественной и общественной западно-европейской жизни, онъ являлся въ скромныя аудиторіи къ горячо любимымъ имъ слушателямъ. Онъ любилъ въ нихъ будущихъ слугъ новой Россіи и гордился и высоко цѣнилъ имя студента. Онъ самъ, по его словамъ, былъ заграницей путешествующимъ харьковскимъ студентомъ ¹⁾.

И звучала въ аудиторіи его вдохновенная рѣчь, и пробуждала она въ молодыхъ сердцахъ любовь къ новой Россіи, жажду знанія, честной дѣятельности и борьбы противъ неправды. «Помните, говоритъ Каченовскій, что новая Россія далеко передъ нами, что мы живемъ пока въ старой. А гдѣ въ ней укрыться? Куда ни посмотришь на сѣверѣ и востокѣ, все лѣсъ да болота, а на югѣ все степь, да степь. Здоровая мысль, разумное слово, доброе дѣло гложетъ въ этомъ безконечномъ пространствѣ. И вотъ мы стекаемся сюда изъ нашихъ полуостровныхъ краевъ, чтобы, соединившись подъ кровомъ науки и окрѣпнувъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, возвратиться назадъ просвѣщенными людьми».

Что бы было съ нами безъ университета? ²⁾

Я позволю себѣ закончить эту неполную характеристику Каченовскаго его обращеніемъ къ русскому обществу. «Признаемся чистосердечно, гово-

¹⁾ Б. XLVII.

²⁾ Б. LXV.

ритъ онъ ¹⁾—нѣтъ у насъ ни политическаго опыта, ни просвѣщенія! Кто виноватъ въ этомъ? Виноваты люди сильные, богатые, возвышенные счастьемъ. Они не заботились о государствѣ, какъ слѣдуетъ добрымъ гражданамъ, а только извлекали изъ него для себя пользу. Они служили, чтобы выслужиться и нажиться. Они надѣялись на народъ въ минуту опасности, а въ спокойныя времена его презирали и грабили. Кто изъ насъ Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? Да! Пора покаяться на дѣлѣ!

Пусть же каждый по мѣрѣ силъ и всѣми зависящими отъ него средствами, личными и общественными, помогаетъ гражданственности и Россія раньше, чѣмъ намъ кажется, будетъ однимъ изъ просвѣщенныхъ, благоустроенныхъ и свободныхъ государствъ на землѣ».

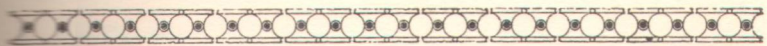
¹⁾ Акты 155, 172.

II. Макеимъ Ковалебекій.

Д. И. Каченовскій.

✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻

ХАРАКТЕРИСТИКА Д. И. КАЧЕ-
НОВСКАГО ВЪ СВЯЗИ СЪ ЛИЧНЫМИ
О НЕМЪ ВОСПОМИНАНІЯМИ.

Сообщеніе въ торжественномъ засѣданіи
Харьковскаго Юридическаго Общества.

ы намѣрены посвятить цѣлое засѣданіе чествованію памяти Дмитрія Ивановича Каченовскаго. Глубоко сочувствуя этой мысли, я въ то же время не могу не высказать моего опасенія, что личность эта, благодаря своей разносторонности, благодаря тому, что юристъ соединялся въ ней съ историкомъ культуры, политикомъ, моралистомъ и эстетомъ, не найдетъ полной оцѣнки въ обществѣ, составленномъ изъ однихъ законовѣдовъ. Профессоръ международнаго права, лекторъ по праву государственному, Каченовскій въ то же время является авторомъ статей о зарожденіи пластики и живописи во Флоренціи, онъ меломанъ, шекспиристъ, онъ обладаетъ рѣдкой начитанностью въ исторіи итальянскаго Возрожденія. Его вниманіе приковываютъ одинаково и этюды по исторіи челоуѣчества Лорана, и монографическая литература о жизни итальянскихъ городскихъ общинъ, и разсужденіе Пасси о причинахъ, управляющихъ смѣною формъ правленія, и первые опыты Мэна въ области сравнительно-исторической юриспруденціи.

Открытіе-ли новаго курса, участіе-ли въ университетскомъ диспутѣ одинаково служатъ ему средствомъ, а иногда только предлогомъ къ тому, чтобы ввести свою аудиторію въ кругъ идей, впервые затронутыхъ тѣмъ, или другимъ ученымъ, имя котораго еще не проникло въ провинціальную среду. Его разговоры столь-же поучительны, какъ и его лекціи; онъ видѣлъ много на своемъ вѣку, умѣлъ наблюдать и обобщать свои впечатлѣнія. Въ городѣ, отрѣзанномъ отъ сообщенія съ міромъ самымъ отсутствіемъ желѣзной дороги, а въ такихъ именно условіяхъ и былъ Харьковъ въ теченіе всей почти профессорской дѣятельности Каченовскаго, продолжительное путешествіе заграницей, посѣщеніе не только Германіи, Франціи и Швейцаріи, но также Англіи, Италіи и самой Испаніи, знакомство съ выдающимися умами и политическими дѣятелями этихъ странъ, съ ихъ общественной, литературной и университетской жизнью, окружало человѣка ореоломъ, о какомъ трудно составить себѣ понятіе въ наше время, когда перемѣщеніе въ Вѣну или Берлинъ сдѣлалось столь-же удобнымъ, какъ переѣздъ на дачу.

Провинціальная среда, по крайней мѣрѣ тѣ круги, въ которыхъ Каченовскій пользовался сочувствіемъ, обращались къ нему поэтому съ самыми разнообразными запросами, онъ долженъ былъ руководить ихъ вкусомъ въ такой-же мѣрѣ, какъ и разумомъ. Дмитрій Ивановичъ не уклонялся отъ

этой роли, которая многимъ показалась бы тяжелой, роли совѣтника, своего рода «directeur de conscience»; въ пріемные дни у него можно было встрѣтить людей разнаго круга, пришедшихъ послушать воспоминанія о его дальнихъ странствіяхъ, философскую оцѣнку современности, живой рассказъ о людяхъ и событіяхъ, съ которыми сталкивала его судьба. Для полноты его характеристики отнюдь не слѣдуетъ терять изъ виду, что при всемъ видномъ пристрастіи къ Англіи и ея политической свободѣ, и нескрываеомъ западничествѣ, Каченовскій былъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, т. е. онъ относился къ нашимъ слабостямъ и недостаткамъ съ тою горячностью, съ тѣмъ необузданнымъ желаніемъ вырвать ихъ съ корнемъ, какого не вызывали въ немъ въ равной мѣрѣ общественные недуги и недостатки другихъ странъ и народовъ. Видѣлъ-ли онъ и то, что есть здороваго и прочнаго въ нашемъ общественномъ быту, что является залогомъ дальнѣйшаго его развитія? Многое изъ того, что москвичамъ вообще, а не однимъ только славянофиламъ, кажется нашими самостоятельными національными устоями, въ его глазахъ являлось не болѣе, какъ исторической категоріей, чѣмъ-то испытаннымъ, пережитымъ, отброшеннымъ передовыми народами запада. Онъ вѣрилъ въ единство культуры, какъ продукта общаго всѣмъ научнаго знанія и художественнаго творчества; онъ цѣнилъ только тѣхъ, кто, подобно

Петру, путемъ безконечныхъ усилій и пожертвованій насильственно вдвинулъ наше отечество въ общее русло мірового прогресса. Вотъ почему, «эпоха великихъ реформъ», справедливо казавшаяся ему продолженіемъ движенія, даннаго Россіи Петромъ, нашла въ немъ горячаго поборника. Задолго до того времени, когда поступленіе въ университетъ въ число слушателей Каченовскаго, открыло мнѣ возможность непосредственнаго общенія съ человекомъ, такъ сильно повліявшимъ на мои личные вкусы и выборъ дѣятельности, мнѣ не разъ приходилось слышать его имя въ помѣстныхъ кругахъ, какъ имя человека, поддерживавшаго самыя невыгодныя для дворянъ взгляды въ вопросѣ объ эмансипаціи. Его не прочь были заподозрить въ тайной агитаціи между членами губернскихъ комитетовъ и во внушеніи самымъ передовымъ изъ нихъ наиболѣе радикальныхъ требованій. Эта точка зрѣнія составила на Каченовскаго подѣ влияніемъ того впечатлѣнія, какое сотни слушателей выносили въ годы, предшествовавшіе реформѣ 19 февраля, изъ его лекцій объ отмѣнѣ торгоу неграми. Нужно-ли говорить, какимъ мотивомъ руководствовался лекторъ, посвящая цѣлыхъ 20 или 30 часовъ разностороннему изученію послѣдствій африканской неволи и назрѣвшаго постепенно сознанія въ необходимости положить ей конецъ? Какъ въ годы, предшествовавшіе крестьянской реформѣ, Каченовскій умѣлъ придать своему курсу характеръ проповѣди

въ пользу гражданской свободы, такъ въ то время, когда мнѣ пришлось быть его слушателемъ, онъ съ любовью останавливался по цѣлымъ мѣсяцамъ на изученіи мѣстнаго самоуправленія въ Англіи и отчасти въ Пруссіи. Онъ противопоставлялъ ему всѣ невыгоды административной централизаціи, бюрократизма и правительственной опеки, картину чего представляла Наполеоновская Франція. Его лекціи по исторіи англійскихъ учреждений, составленныя по преимуществу на основаніи монографій Галлама, Эрскина Мэя, Годда,—раскрывали предъ нами въ живомъ и картинномъ изложеніи параллельный ростъ народнаго представительства и мѣстнаго самоуправления, онѣ вкореняли въ насъ тотъ взглядъ, что участіе общества въ направленіи государственной жизни только тамъ пустило глубокіе корни, гдѣ въ ограниченной сферѣ прихода, города и провинціи—графства тоже, общество призвано къ служенію и совѣту. Эта точка зрѣнія, очевидно, была та самая, съ какой Токвилль разсматривалъ исторію и современное ему состояніе американской демократіи. Обоимъ публицистамъ она была привита изученіемъ англійскаго государственнаго строя въ его поступательномъ ходѣ со времени Плантагентовъ. Каченовскаго, сказалъ я, называли англо-маномъ, но если подъ этимъ прозвищемъ разумѣть пристрастіе къ земельной аристократіи и ограниченію политическихъ правъ низшей буржуазіи и рабочаго класса,—это прозвище едва-ли можетъ быть

дано ему. Онъ былъ сторонникомъ расширенія избирательнаго права, сочувствовалъ въ Англіи не только реформѣ 32 г., но и 67 года, и, вслѣдъ за Миллемъ, не прочь былъ предоставить и меньшинству ту возможность пропорціональнаго представительства, какую обѣщала ему въ числѣ другихъ изобрѣтенная Томасомъ Геромъ система. Вообще его англomanія, какъ и его западничество, были только односторонними проявленіями присущаго ему гуманизма,—ему и всей той фалангѣ русскихъ университетскихъ дѣятелей, самымъ крупнымъ представителемъ которыхъ являлся Грановскій. Дмитрію Ивановичу, ѣздившему въ Москву для защиты своей диссертациі «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ», пришлось познакомиться и сойтись съ Тимофѣемъ Николаевичемъ. Онъ на всю жизнь сохранилъ благодарную память объ этой встрѣчѣ.

Не меньшее вліяніе оказало на общій складъ его политическаго мышленія сближеніе за границую съ Герценомъ; оно, разумѣется, не заставило его отказаться отъ увѣренности въ призваніи международнаго права положить конецъ войнамъ и несогласіямъ, обезпечить человѣчеству вѣчное спокойствіе и миръ. Тщетно Герценъ вышучивалъ его, приглашая броситься между воюющими и убѣдить австрійцевъ въ необходимости очистить Италію отъ своихъ войскъ; мефистофельскій смѣхъ только раздражалъ его, не подкашивая ни мало счастливаго научнаго

оптимизма. Не увлекли его также и социалистическія пристрастія, все рѣзче и рѣзче выступавшія въ Герценѣ, по мѣрѣ его сближенія съ Луи Бланомъ и Прудономъ. Я думаю, что изъ всѣхъ областей обществовѣдѣнія политическая экономія всего менѣе останавливала на себѣ вниманіе Дмитрія Ивановича. Классовая борьба, повидимому, интересовала его лишь настолько, насколько, выражаясь языкомъ его любимого писателя Ипполита Пасси, она является «разлагающимъ элементомъ» государственнаго сообщества и требуетъ соотвѣтственно усиленія поддерживающей единство исполнительной власти. Для него, какъ и для Монтескьё, и восходя еще выше, какъ для Макіавелли и самого Аристотеля, политика, а не экономика, была главнымъ факторомъ всего общественнаго уклада и всѣхъ происходящихъ въ немъ измѣненій. Онъ серьезно писалъ цѣлыя главы «о вліяніи международнаго права на измѣненіе судебъ человѣчества» и уменьшилъ мнѣ отмѣтку на экзаменѣ, объявивъ, что изъ моего отвѣта онъ видитъ только, какое вліяніе переменна въ судьбахъ человѣчества оказала на развитіе международнаго права.

Въ одномъ отношеніи Каченовскій рѣзко выделяется изъ среды тѣхъ людей сороковыхъ годовъ, которымъ суждено было играть такую выдающуюся роль въ направленіи нашей умственной, если не общественной жизни; онъ вовсе, или весьма мало, былъ задѣтъ нѣмецкой метафизической философіей,

и повидимому, не имѣлъ къ ней вкуса. Въ то-же время онъ едва-ли знакомъ былъ съ курсомъ положительной философіи Конта, и не прочь былъ при случаѣ пустить два—три обидныхъ слова въ лагерь позитивистовъ. Все это не мѣшало, однако, тому, что самъ онъ на трудахъ Корнвалля Льюиса, такъ часто имъ цитируемаго въ лекціяхъ, и еще болѣе на Логикѣ Милля, этого, можно сказать, философскаго обоснованія метода Конта, научился положительнымъ приѣмамъ мышленія въ области общественнаго. Прочтите внимательно все имъ написанное, не исключая его курсовъ, и вы необходимо вынесете то впечатлѣніе, что всякому утвержденію Каченовскій предпосылаетъ самый тщательный и возможно полный обзоръ хорошо обслѣдованныхъ фактовъ; на этихъ фактахъ онъ строитъ свой дальнѣйшій эмпирическій выводъ, изъ котораго дѣлаются затѣмъ частныя заключенія; послѣднія признаются обоснованными лишь въ томъ случаѣ, когда навстрѣчу имъ идутъ факты дѣйствительности или прошлаго; а что все это въ сущности, какъ не методъ обратной дедукціи, т. е. тотъ, который по Миллю одинъ является залогомъ научности построеній въ области общественнаго? Выводы, впрочемъ, далеко не занимаютъ главнаго мѣста въ научныхъ книгахъ, статьяхъ, или лекціяхъ Каченовскаго; они на три четверти заняты описаніемъ, и описаніемъ поистинѣ художественнымъ. Эти «очерки» и составляли то, что цѣнилось

нами всего болѣе въ его курсахъ. Теперь еще возстають въ моей памяти цѣлыя картины борьбы ломбардскихъ и тосканскихъ коммунъ за политическія вольности, или первыхъ попытокъ итальянской дипломатіи выработать основы международного права, если не во время войны, то по крайней мѣрѣ во время мира. Сама диссертация Каченовскаго «о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ», переведенная еще при его жизни на англійскій языкъ, и пользующаяся высокимъ признаніемъ между спеціалистами, выдѣляется изъ ряда другихъ монографій о морскомъ международномъ правѣ не установленіемъ какихъ нибудь новыхъ юридическихъ принциповъ, а прекраснымъ обслѣдованіемъ обильнаго матеріала и изящнымъ изложеніемъ добытыхъ имъ чисто историческихъ выводовъ. Каченовскій былъ настолько историкомъ, чтобы не сказать соціологомъ (послѣднее прозвище, вѣроятно, было бы ему не по вкусу), его такъ мало можно считать законовѣдомъ въ прямомъ смыслѣ слова, что слабую сторону его курса составляли именно тѣ лекціи, въ которыхъ, по природѣ предмета, требовалась юридическая конструкція. До сихъ поръ не могу безъ тайнаго страха вспомнить о необходимости усвоить передъ экзаменомъ тотъ къ счастью короткій отдѣлъ, какой представляло въ его изложеніи частное международное право. Сколько помню, авторъ построилъ его на той мысли, что рѣшающимъ моментомъ должно быть отысканіе точки

соприкосновенія частнаго интереса съ общимъ; и вотъ, въ погонѣ за этой, очевидно, подвижной точкой, мы проводили цѣлые часы въ невозможности уловить ее. Но за то какъ интересны и жизненны были тѣ картины постепеннаго роста гражданскаго оборота между націями, какія Каченовскій умѣлъ вдвинуть въ свою лекцію о литературныхъ, почтовыхъ, торговыхъ, телеграфныхъ и т. д. трактатахъ и конвенціяхъ! Художникъ на каждомъ шагу бралъ у него перевѣсъ надъ юристомъ, его курсъ междунагоднаго права, которому отводилось 6 лекцій въ недѣлю, при рѣшительномъ преобладаніи исторіи надъ догмою, былъ по всей вѣроятности самымъ общеобразовательнымъ предметомъ на нашемъ факультетѣ. Я познакомился съ нимъ еще въ первый годъ моего поступленія въ университетъ, хотя лекторъ и читалъ на 4-мъ курсѣ. Аудиторія всегда была полна и далеко не одними юристами. Каченовскій не имѣлъ внѣшнихъ качествъ оратора; онъ говорилъ нѣсколько въ носъ, но рѣчь его отличалась одновременно простотою и образностью, фраза была короткой, живой, грамматически правильной; повторенія были рѣдки, основная мысль проводилась красной нитью; по выходѣ изъ аудиторіи можно было въ немногихъ словахъ повторить все прослушанное.

Я долженъ, впрочемъ, оговориться: стремленіе къ полнотѣ и обстоятельности было причиной включенія Дмитріемъ Ивановичемъ въ свой курсъ

жестокаго для слушателей отдѣла — литературы международного права. Здѣсь приводился не только безконечный рядъ страннозвучащихъ именъ, но и къ каждому имени было привѣшено два—три обыкновенно мудренныхъ заглавія; при этомъ указывалось, чѣмъ именно книги, носящія эти заглавія, обогатили науку. Можно было читать произвольное число разъ этотъ толковый словарь, и все таки на экзаменѣ оказаться совершенно несостоятельнымъ въ оцѣнкѣ заслугъ какого нибудь Кальтенборна, не говоря уже о менѣ крупныхъ представителяхъ «науки», а этого было вполне достаточно, чтобы остаться лишній годъ на томъ-же курсѣ, такъ какъ экзаменаторъ, хорошо знавшій свои собственные лекціи, неизмѣнно строгъ былъ къ тѣмъ, кто зналъ ихъ хуже его. Но, за исключеніемъ 5—6 билетовъ, которые требовали отъ отвѣчающаго больше памяти, чѣмъ воображенія, весь остальной курсъ являлся своего рода блестящей эпопеей, изображающей побѣдоносный ходъ разума и международной справедливости. Не даромъ-же Дмитрій Ивановичъ избралъ шрифомъ къ отпечатаннымъ имъ всего къ сожалеанію двумъ первымъ выпускамъ своего общаго трактата слѣдующія слова голландца Бенкерсхука: «Разумъ, самъ разумъ, есть душа международного права». О полнотѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ Каченовскимъ, я могъ судить много лѣтъ спустя, подготавливаясь къ магистерскому экзамену въ Москвѣ. Въ моемъ распоряженіи была всего

недѣля, рекомендовано было, какъ всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ, чтеніе десятка книгъ. Я пересмотрѣлъ лекціи Каченовскаго, заглянулъ въ 2—3 нѣмецкихъ учебника, нашелъ въ нихъ то-же, только безъ его историческихъ иллюстрацій, и съ этимъ запасомъ едва подновленныхъ старыхъ свѣдѣній съ успѣхомъ выдержалъ предстоявшій мнѣ искусь. Какъ жаль, что этотъ курсъ Каченовскаго не изданъ былъ цѣликомъ и возможно близко по тексту составленныхъ студентами записокъ; часть ихъ была провѣрена лекторомъ. Въ послѣдніе годы его жизни, подъ вліяніемъ жестокаго недуга, Дмитрій Ивановичъ часто не былъ въ состояніи произносить своихъ лекцій; кому нибудь изъ слушателей, мнѣ въ томъ числѣ, приходилось въ его присутствіи читать по старымъ запискамъ; только по временамъ раздавался прерываемый кашлемъ голосъ лектора за тѣмъ, чтобы сдѣлать два три цѣнныхъ замѣчанія, или развить мысль, едва отмѣченную въ студенческой тетради. Въ бумагахъ Каченовскаго уцѣлѣла, по всей вѣроятности, не напечатанная магистерская диссертация; она посвящена исторіи морского международного права. Каченовскій читалъ изъ нея отрывки на лекціяхъ; судя по этимъ отрывкамъ, его работа отличалась большою полнотою и стилистическою отдѣлкой. Вообще, тѣ части его курса, которыя относятся къ праву войны и нейтралитету, при всей ихъ сжатости, оставили во мнѣ впечатлѣніе чего-то вполне законченнаго, тогда какъ, на-

примѣръ, лекціи по исторіи международнаго оборота, начиная съ эпохи Возрожденія, лекціи, богатые интересными историческими данными объ итальянской дипломатіи, носили еще болѣе или менѣе сырой видъ. Ближайшій отдѣлъ отличался меньшею самостоятельностью, и, повидимому, составленъ былъ, главнымъ образомъ, на основаніи Витона—*Histoire du droit des gens*. Лекторъ въ своемъ изложеніи обыкновенно выпускалъ начальные отдѣлы курса, отсылая насъ къ изданнымъ имъ выпускамъ и статьямъ, такъ, напримѣръ, къ помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ монографіи о правахъ дипломатическихъ агентовъ; въ общемъ получалась такая масса матеріала, что студенты обыкновенно ставили экзаменъ международнаго права первымъ по очереди и приготавлились къ нему въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Каковы были руководящіе принципы Каченовскаго въ построеніи системы современнаго международнаго союза, былъ-ли онъ сторонникомъ легитимизма, (или, что то-же, историческаго права), политическаго равновѣсія, или націонализма?—на этотъ вопросъ многіе изъ его учениковъ затруднятся отвѣтить съ рѣшительностью. Помню я увлеченіе, съ какимъ онъ знакомилъ насъ съ извѣстной рѣчью Маміани, появившейся затѣмъ самостоятельнымъ томомъ, подъ заглавіемъ «о новыхъ началахъ Европейскаго права». Маміани, какъ извѣстно, заодно съ Манчини, и почти всею современною

школою международного права въ Италіи, является сторонникомъ той мысли, что единство національности должно быть основою государственнаго единства. Сколько революціоннаго и разлагающаго заключаетъ въ себѣ этотъ принципъ, можно судить уже потому, что при строгомъ его проведеніи немислимо было-бы сохраненіе ни одного изъ существующихъ государствъ, начиная отъ Швейцаріи, и оканчивая Россіей. Каченовскій, бывшій по этой причинѣ противникомъ не только панславизма, но и славянофильскаго движенія, не могъ послѣдовательно явиться сторонникомъ націонализма. Но въ то-же время онъ понималъ ту великую историческую роль, какая выпала на долю сознанія народнаго единства въ измѣненіи политической карты Европы. Онъ не былъ слѣпъ къ созидающему значенію, какое это сознаніе имѣло для Италіи и Германіи. Привѣтствуя установленіе либеральной монархіи на Апеннинскомъ полуостровѣ, сѣверной и южногерманской федерацій, онъ въ то-же время съ ужасомъ отступалъ передъ мыслью, что тотъ-же принципъ національнаго единства можетъ сдѣлаться условіемъ разложенія Австріи и причиною кровопролитныхъ столкновеній венгровъ, нѣмцевъ и славянъ. Это обстоятельство и сдѣлалось источникомъ того эклектизма, которымъ онъ старался примирить вновь возникшія національныя требованія съ системою историческаго права и политическаго равновѣсія. За національнымъ дви-

женіемъ признается имъ сила и значеніе лишь настолько, насколько единство языка и культуры является условіемъ благопріятнымъ сплоченію отдельныхъ округовъ и провинцій. Но, такъ какъ центростремительный по природѣ принципъ національности въ то-же время является и центробѣжнымъ, такъ какъ онъ одновременно и спланиваетъ воедино и разъединяетъ, и такъ какъ одно немыслимо безъ другого и необходимо предполагается имъ, то легко судить, въ какія дебри непоследовательности и противорѣчій приводитъ попытка сочетанія легитимизма и націонализма. Стать открыто на ту точку зрѣнія, что выборъ народа одинъ рѣшаетъ его политическія судьбы, и разрѣшить тѣмъ самымъ все противорѣчія—Каченовскій не дерзалъ. Причиной его нерѣшимости было отчасти то впечатлѣніе, какое произвела на него безцеремонная подтасовка голосовъ, практиковавшаяся при устройствѣ того народнаго плебисцита, въ силу котораго жители Савойи и Ниццы признаны были соединившими свои судьбы съ Франціей.

Если въ международномъ правѣ Каченовскій чувствовалъ себя вполне хозяиномъ, если онъ обладалъ рѣдкой эрудиціей въ трактатахъ и монографической литературѣ, то въ правѣ государственномъ его скорѣе надо признать любителемъ, просвѣщеннымъ диллетантомъ. Легко указать на тѣ книги, которыя послужили для составленія его историко-догматическаго обзора конституцій Англіи, Фран-

ціи, Пруссіи и Австріи. Это были Галламъ и Эрскинъ Мэй, Гоммерсгамъ, Коксъ, Фиско и Ванстретенъ, Росси и Батби, Гильдебрандтъ и Лавелэ, не говоря о болѣе общихъ сочиненіяхъ по новѣйшей исторіи. Но эти лекціи по государственному праву европейскихъ державъ были составлены съ такимъ вкусомъ, съ такимъ умѣніемъ отдѣлить существенное отъ несущественнаго, представить факты въ порядкѣ ихъ сцѣпленія, избѣгая техническихъ подробностей, подчеркивая принципы, ставя на всемъ пути верстовые столбы, дѣлающіе возможной ежечасную оріентировку, что все сообщаемое прослушивалось съ несомнѣннымъ интересомъ, а записанное усваивалось сравнительно легко. Въ преподаваніе Каченовскаго совершенно не входило такъ называемое общее государственное право, читаемое другимъ профессоромъ, Станиславскимъ, какъ часть энциклопедіи права. Но это не мѣшало тому, что въ началѣ своего курса Дмитрій Ивановичъ поднималъ нѣкоторые вопросы и общаго характера, какъ, напримѣръ, вопросъ о формахъ правленія и законахъ, управляющихъ ихъ выборомъ, вопросъ о раздѣленіи властей и ихъ равновѣсіи, вопросъ объ административной централизаціи и мѣстномъ самоуправленіи, и т. д., и т. д. При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ вопросовъ онъ почти исключительно придерживался Англійской и Французской политической литературы, особенно сочиненій Пасси, Корнвалля и Джорджа Люиса, нако-